

УДК 811.111.8

Дмитрий Константинович Ефимов
Юлия Андреевна Зартдинова
г. Шадринск

Языковая гибридизация: теоретические аспекты и особенности билингвизма

Данная статья посвящена анализу языковой гибридизации и её проявлений в условиях билингвизма. Процессы заимствования, калькирования и код-свитчинга рассматриваются авторами как естественные механизмы адаптации языка к потребностям мультиязычных сообществ. На примерах спанглиша (испанско-английский гибрид) и денглиша (немецко-английский гибрид) показано, как смешение языков отражает культурные и социальные изменения, а также взаимодействие локальных и глобальных культур. Несмотря на споры о «засорении» языка, авторы подчёркивают, что гибридизация не является деградацией, а служит инструментом решения новых коммуникативных задач. В работе делается вывод о невозможности существования «чистых» языков, так как их развитие неотделимо от внешних влияний и заимствований, обусловленных миграцией, технологиями и культурным обменом.

Ключевые слова: билингвизм, языковая гибридизация, спанглиш, денглиш, код-свитчинг, мультиязычные сообщества.

Dmitry Konstantinovich Efimov
Yulia Andreevna Zartdinova
Shadrinsk

Language hybridization: theoretical aspects and features of bilingualism

The article is devoted to the analysis of language hybridization and its presentations in the context of bilingualism. The processes of borrowing, calque and code-switching are considered by the authors as natural mechanisms of language adaptation to the needs of multilingual communities. The examples of Spanglish (Spanish-English hybrid) and Denglish (German-English hybrid) show how the mixing of languages reflects cultural and social changes as well as the interaction of local and global cultures. Despite the debate about the “pollution” of the language, the authors emphasize that hybridization is not degradation, but serves as a tool for solving new communicative problems. The paper concludes that the existence of "pure" languages is impossible, since their development is inseparable from external influences and borrowings caused by migration, technology and cultural exchange.

Keywords: bilingualism, language hybridization, Spanglish, Denglish, code-switching, multilingual communities.

В условиях глобализации экономики и интенсификации миграции, во многих развитых странах наблюдается развитие билингвизма, отличного от того, что имел место в условиях осуществления колониальной политики в прошлом или же при расширении торговых путей. В современном мире, факторами формирования билингвизма являются технологии, образование, массовая культура и международное сотрудничество. Ситуация становится проще, если участники коммуникации – носители разных языков – владеют одним общим, зная его как иностранный. Например, на международных конференциях, люди с разных концов земли могут использовать один язык для общения друг с другом, не являясь, при этом, его носителями. Всё вышеизложенное определяет актуальность нашего исследования.

Подобный язык будет называться «лингва франка», и раньше это название носило конкретное наречие, представляющее собой смесь элементов испанского, португальского, каталонского, окситанского, турецкого, греческого, французского, арабского и берберского языков. Оно было распространено среди средиземноморских торговцев и моряков, которые вели дела друг с другом на этих территориях и нуждались в едином средстве общения. Однако, со временем, название лингва франка стал носить такой язык, который оказывает большое влияние на развитие других. В разные эпохи статусом лингва франка могли похвастаться латынь и французский, бывшие языками международного общения, сейчас же таким языком стал английский [5, с. 101].

Однако, в тех условиях, когда носители одного языка прибывали на земли, где никто не знал ни их языка, ни какого-либо другого, коммуникация с местным населением была крайне ограничена, тем не менее, необходима. В случае с колонизацией – для установления необходимых порядков и получения прибыли с колонии, а в случае налаживания торговых отношений – для их успешного развития. В любой из этих ситуаций, зачастую, ни одна из сторон не имела большого желания учить язык другой. Так, например, при открытии торговых путей между Англией и Китаем в XVII веке, англичане сразу сказали, что китайский язык выучить невозможно, а китайцы же, в свою очередь, отказались переходить на английский, чтобы иметь возможность общаться друг с другом, не давая приезжим понять ни слова. Это создало уникальную ситуацию, когда обе стороны были вынуждены искать средства для осуществления эффективной коммуникации, что привело к возникновению на этой территории китайско-английского пиджина [3, с. 7].

Пиджины – это языки, формирующиеся при контакте носителей двух разных языков, и дающие людям возможность осуществлять коммуникацию при торговле, завоевании или колонизации. Ввиду ограниченности сфер применения, например, для решения каких-то строго определенных задач, эти языки, зачастую, обладают упрощенными грамматическими и лексическими системами. Однако, вследствие причин их появления и упрощенности, они часто воспринимаются говорящими как что-то неполноценное [5, с. 102].

Также, являясь результатом культурного взаимодействия, они не просто служат средством коммуникации, но и отражают тот культурный контекст, в котором происходит общение. Зачастую они включают в себя элементы социокультурных норм, а также традиций и обычаев [7, с. 1009].

Потомки же этих людей, которые также говорят на этом языке, воспринимают его уже как родной. Также в этом случае, с течением времени, пиджин обрывает более сложной грамматикой, новой лексикой и, таким образом, развивается как язык. Данное явление получило название креолизации, а языки, выросшие из пиджинов – креольскими. Креольские языки широко распространены в мире, а количество их носителей исчисляется миллионами. Их примеры можно встретить в Африке, на Гавайских островах, в Индонезии и так далее [7, с. 1010].

Одним из самых известных примеров креольских языков является ток-писин, на котором говорят в Папуа Новой Гвинее. Этот язык появился как пиджин во второй половине XIX века на плантациях, рабочие которых были привезены с Малайзии, Китая и Меланезийских островов. Он вобрал в себя черты английского, местных австронезийских языков, а также немецкого, малайского и португальского. Со временем, этот пиджин развился в креольский язык и даже закрепился как один из государственных языков Папуа Новой Гвинеи, наряду с английским и другим пиджином – хиримоту [10].

Креольские языки, являющиеся результатом эволюции пиджинов, представляют особый интерес для исследований лингвистов, поскольку на их примере можно проследить то, как развиваются языки в условиях ограниченного их использования, а также проанализировать те механизмы, посредством которых языки расширяют свои возможности и адаптируются под новые условия и задачи.

Здесь стоит отметить, что процесс формирования креольского языка – это не просто смешение двух или более языков на определенной территории, это ещё и последующая,

более глубокая, культурная и лингвистическая трансформация. В отличие от пиджинов, которые изначально появлялись только для решения узкого круга задач, креольские языки являются полноценными средствами общения для целых народов, передающимися следующим поколениям, постепенно усложняющимся и расширяющимся в области грамматики, лексики и фонетики.

Кроме того, каждый креольский язык, ввиду своего происхождения, отражает те исторические события, которые происходили на территориях, где проживают его носители. Так, в креольских языках Африки можно обнаружить следы английского, французского или португальского языков, что является следствием колониального прошлого этих регионов. Однако, при этом, они сохраняют и влияние местных языков.

Однако, если раньше существование двух языков на одной территории приводило к появлению пиджинов и, впоследствии, их креолизации, то в настоящее время мы можем наблюдать, как, например, мексиканские мигранты в США используют в общении сразу оба языка, переключаясь между ними прямо в процессе речи. Подобное явление получило название код-свитчинг – способность билингвов использовать в одном высказывании единицы из гостевого языка (или нескольких языков), не нарушая, при этом, грамматических норм матричного языка [4, с. 97].

Переключение кода может происходить как мотивированно, так и неосознанно. В первом случае, целью говорящего может быть как юмористический эффект, так и желание показать какую-то позицию по отношению к слушателю (желание сблизиться или, наоборот, дистанцироваться от него). Во втором же случае, смешанный код становится для говорящего вариантом нормы, когда тот не может в потоке речи использовать только матричный язык, и ему приходится задействовать «вспомогательные» средства, чтобы донести до слушателя то, о чем он говорит. Использование код-свитчинга в этой ситуации может быть также связано с психологическими факторами, когда человек не осознаёт момент перехода с одного языка на другой, особенно если оба этих языка он знает с детства.

Стоит также сказать, что подобный смешанный код может стать вариантом нормы сразу для достаточно большой группы людей. В этом случае, мы можем говорить о достаточно специфической форме код-свитчинга, отражающей динамику языковых контактов и адаптацию речи в мультиязычных сообществах [8, с. 668].

Одним из самых ярких примеров подобного билингвизма считается «Спанглиш» – испанский язык, в котором широко распространены заимствования из английского. В целом, так может называться любая смесь английского и испанского языков, используемая жителями США, чьим родным языком является испанский. При разговоре они смешивают и искажают лексические и грамматические элементы обоих языков, получая на выходе достаточно интересный вариант английского. Наиболее часто это явление можно встретить в таких крупных городах как Лос-Анджелес, Майами и Нью-Йорк, где проживает большое количество испаноязычных мигрантов, а также вдоль южной границы США.

При более детальном рассмотрении, можно заметить, что здесь задействованы несколько языковых явлений: калькирование, заимствование, семантическое расширение, а также упомянутое нами ранее переключение кода. Так, например, в спанглише можно встретить такие заимствования из английского, как «yarda», вместо «patio», а также «suiche» и «troca», являющие собой адаптированные под испанский язык слова «switch» и «truck» [6, с. 67].

Однако, одни только заимствования не приводят к появлению подобных вариантов языков. В рассматриваемом нами спанглише широко распространены кальки с английских выражений и добавлении новых значений для уже существующих в испанском слов. Переключение кодов также встречается достаточно часто в речи билингвов. Например, говоря о походе в магазин, человек может сказать «Voy al supermercado porque necesito comprar milk y bread». В этой фразе будет несколько моментов, где произошло переключение с испанского на английский: фраза начинается с испанского «Voy al» – «Я иду в», продолжается английским словом «supermarket», вместо испанского «supermercado», затем

человек переключается обратно на испанский, говоря «*rogue necesito comprar*» и заканчивает перечислением продуктов, необходимых к покупке: «*milk*» и «*bread*», соединяя их испанским союзом «*y*». В этой фразе человек, говорящий на двух языках, использует их, переключаясь между ними в процессе речи, при этом, сохраняя лексические и грамматические элементы обоих.

Другим примером подобного билингвизма считается денглиш – смесь немецкого и английского языков, распространенная в Германии. Данное явление вызывает частые дискуссии у носителей немецкого, когда одни из них говорят о засорении и деградации, а другие – наоборот, о расширении и развитии немецкого языка. Противники этих процессов утверждают, что чрезмерное использование заимствований, в том числе, англицизмов размывает языковую идентичность и угрожает существованию языка как такового. В качестве примеров приводятся случаи, когда носители используют заимствованные слова вместо уже существующих в языке. Например, всё чаще вместо «*Treffen*» используется «*Meeting*», а вместо «*herunterladen*» — «*downloaden*».

Однако, данные заимствования могут использоваться носителями немецкого в связи со стремлением модернизировать язык, используя более удобные для них слова и выражения. Они видят в этом явлении признак динамичности и адаптивности языка, с их точки зрения, заимствования обогащают немецкий, позволяя быстрее и точнее выразить свою мысль. Особенно это касается таких областей, как технологии, наука и массовая культура. Например, англицизм «*Update*» уже стал общепринятым термином в IT-сфере, где использование немецкого аналога «*Aktualisierung*» звучит громоздко и менее естественно [1, с.55].

Также стоит понимать, что использование англицизмов в научной и технической сферах может быть обусловлено и международными стандартами. Стандартизация терминологии в этом случае позволяет избежать путаницы при взаимодействии как с иностранными партнерами, так и при взаимодействии пользователя с конечным продуктом. В этом случае, использование англицизмов не является вопросом выбора, а продиктовано вопросами международного сотрудничества, но впоследствии может войти в привычку.

Однако, важно также отметить, что денглиш как явление не является однородным и стабильным. Его употребление различается в зависимости от региона страны, возраста и уровня образования говорящих. Чаще всего им пользуется молодежь, как инструментом для выражения своей причастности к глобальной культуре. Особенно это характерно для больших городов, где влияние массовой культуры и международных трендов намного заметнее. Молодые люди стремятся быть частью чего-то большего, в этом случае – частью глобального сообщества. Язык для них – средство самовыражения и идентификации, так как использование англицизмов позволяет молодежи подчеркнуть свою современность и открытость ко всему новому.

Старшее поколение в этом плане более консервативно и чаще относится скептически к любой попытке смешения языков, защищая традиционные и более привычные для них формы. Для них использование заимствованной лексики может восприниматься как угроза национальной, культурной и языковой идентичности. Это происходит из-за того, что представители старшего поколения чаще воспринимают язык культурное достояние и связывают его с национальной гордостью и культурным наследием народа. Использование же лексики из других языков, по их мнению, может отдалять человека от его корней и размывать языковую идентичность.

Также следует сказать и о том, что возникновению гибридных форм способствуют не только культурные изменения в социуме, но и структурные изменения в языковой структуре. Так, например, авторы статьи «О словообразовательной гибридизации в эпоху «Глобанглизации...» приводят анализ процессов, происходящих в славянских языках под влиянием англоязычных заимствований, что приводит к появлению новых словообразовательных моделей. С точки зрения авторов, подобная распространенность заимствований связана с интернационализацией СМИ, а также важностью их роли в

современном мире. В качестве одного из примеров, в статье приводится суффикс -инг, заимствованный из английского языка вместе со многими словами в конце XX века, и далее успешно ассимилировавшийся в русском. Изначально пришедшая в язык с такими словами как шоппинг, банкинг, маркетинг, боулинг и другие, в конечном итоге эта морфема стала достаточно самостоятельной, и теперь вполне успешно может присоединяться к словам русского языка, образуя такие лексические единицы как «зацепинг», «откатинг», «водкинг» и так далее. По большей части, все подобные слова образуются в речи молодых людей, наиболее склонных к использованию в своей речи англицизмов и к авторскому словообразованию. Однако, со временем подобные неологизмы начали появляться и в деловой речи, хотя, они больше относятся к заимствованиям, нежели словам, образованным от русскоязычного корня. Так, англицизмы «тимбилдинг», «коворкинг», «брендинг» и «брифинг» стали неотъемлемой частью лексикона многих офисных работников, хотя многие подобные слова вполне заменяемы эквивалентами из родного языка [2, с.102].

Кроме суффикса -инг в статье также приводятся примеры и других суффиксов, ассимилировавшихся в русском языке, например, -гейт и -завр. Первый суффикс стал составной частью слов, обозначающих какой-либо скандал, по аналогии с имевшим место в начале 70-х годов прошлого века скандалом «Watergate», который привёл к отставке президента США Ричарда Никсона. Западные СМИ, в том числе и интернет-издания, начали активно использовать подобную модель словообразования для названия определенных скандалов, например, Twittergate, Elsgate, Gamergate и так далее. В отечественных СМИ, по аналогии с западными, также стали встречаться подобные «гейты», как, например, Ельцингейт, Янаевгейт и многие другие [2, с.104].

Что касается суффикса -завр, он чаще используется в молодежном сленге и имеет явную негативную окраску, связанную со значением «ископаемого ящера». В современном русском языке можно встретить такие слова как «колхозавр», «быдлозавр» или «лохозавр», выражающие явно презрительное отношение к тому человеку, о котором идёт речь [2, с.106].

Хотя слова с этими двумя суффиксами и встречаются реже, чем те, о которых мы говорили ранее, можно сказать, что они также вполне успешно стали частью словообразовательной системы русского языка.

Можно говорить о том, что такие явления как денглиш и спанглиш, а также другие примеры языковой гибридизации, представляют собой не просто лингвистическое явление, а скорее даже индикатор культурных и социальных изменений в современном обществе. Их наличие показывает взаимодействие местных культур с глобальной, а также то, что язык, как инструмент, подстраивается под нужды носителей и развивается вслед за обществом. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно говорить о том, что подобные явления возникают не из-за деградации языка, а из-за того, что перед носителями возникают такие коммуникативные задачи, решение которых требует нового, более удобного и простого в использовании, инструмента.

Постоянно протекающие изменения – это одна из основных характеристик языка, справедливая для любого из существующих на данный момент. Причинами для них могут быть культурные изменения, изменения в общественной жизни носителей, а также научно-технический прогресс. Также во всех языках мира есть следы изменений, вызванных языковыми контактами его носителей с носителями других языков. «Чистых», не подверженных изменениям и заимствованиям языков не существует, так как дальнейшее развитие языка невозможно без влияния со стороны. В каждой подобной системе существуют слова, заимствованные из других языков и адаптированные под грамматический, фонетический и морфологический строй языка-реципиента. Поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно говорить о «засорении» и какой-либо «деградации» языка, когда тот пополняется заимствованиями из других языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Евтихова, И.М. «Denglisch» в современном немецком языке / И.М. Евтихова, А.В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – № 1. – С. 54-62.
2. Коряковцева, Е.И. О словообразовательной гибридации в эпоху «глобанглизации» (на материале русского и польского языков) / Е. И. Коряковцева. – Текст : непосредственный // Linguodidactica. – 2020. – Vol. 24. – С. 99-110.
3. Михеева, Н.Ф. Пиджины и креольские языки: перспективы развития / Н.Ф. Михеева. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования, языки и специальность. – 2014. – № 1(2). – С. 5-9.
4. Мишинцева, И.Ю. Переключения кодов в классических и современных англоязычных художественных произведениях / И.Ю. Мишинцева. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 3 (56). – С. 97-100.
5. Пиперски, А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского / А. Пиперски. – 2-е изд., пересм. и доп. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2024. – 272 с. – Текст : непосредственный.
6. Ушаков, Д.А. «Спанглиш» как лингвистический феномен в условиях англо-испанского двуязычия в США / Д.А. Ушаков. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 6. – С. 67-69.
7. Хагвердиева, К.Х. Пиджин как этно-культурологический феномен / К.Х. Хагвердиева. – Текст : непосредственный // Path of Science. – 2023. – Vol. 9, № 11. – С. 1008-1017.
8. Хилханова, Э.В. К вопросу о терминах переключение кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения / Э.В. Хилханова, Ж.Б. Папинова. – Текст : непосредственный // МНКО. – 2018. – № 2 (69). – С. 667-671.
9. Шишигин, К.А. Гибридация языков: глагольно-префиксальная система идиша : монография / К.А. Шишигин. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта, 2021. – 208 с. – Текст : непосредственный.
10. Tok Pisin. – Text : electronic // Encyclopædia Britannica : site. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Tok-Pisin> (date of request: 05.02.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Д.К. Ефимов, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики германских языков, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: vomifemid@mail.ru.

Ю.А. Зартдинова, студентка магистратуры, 1 курс, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: julia-zartdinova@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

D.K. Efimov, Ph. D. in Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Germanic Languages, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: vomifemid@mail.ru.

Yu.A. Zartdinova, 1st year Master's student, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: julia-zartdinova@yandex.ru.